

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ PUBLIC RELATIONS

Оригинальная статья / Original article

Современные республиканские концепции демократии: общие признаки и два идеальных типа

© Н.А. ШАВЕКО

Шавекко Николай Александрович, Институт философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия), shavekonikolai@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-5481-7425

Возрождение республиканской политической традиции происходит на фоне академического спора либералов и коммунитаристов. Определены ценности современных республиканцев, а именно основанные на идее общего блага делиберативность политического процесса и гражданские добродетели. Проанализированы взгляды на демократию трех авторов республиканской ориентации – М. Сэндела, К. Санстэйна и Ф. Петтита. Показано, что существование различных направлений в рамках республиканской традиции (одно акцентирует внимание на выработке общих этических представлений, а другое – на смешанном правлении) имеет своим следствием неоднородность представлений республиканцев о демократии. Предложено выделять два идеальных типа республиканских воззрений на демократию – узкокоммунитаристский и сущностно-либеральный, а в качестве критериев для типологизации рассматривать (1) взгляды на высший социальный идеал и права человека, (2) цель демократических дискурсов, (3) роль и значимость согласия с политическими решениями, (4) роль и значимость политического участия и гражданских добродетелей. Сделан вывод о том, что к настоящему времени единая республиканская теория демократии еще не сложилась.

Ключевые слова: республиканизм, демократия, недоминирование, самоопределение, делиберация, либерализм, коммунитаризм, политическое участие, гражданские добродетели

Цитирование: Шавекко Н.А. (2024) Современные республиканские концепции демократии: общие признаки и два идеальных типа // Общественные науки и современность. № 6. С. 83–95. DOI: 10.31857/S0869049924060067, EDN: JBINRU

Contemporary Republican Concepts of Democracy: Common Features and Two Ideal Types

© N.A. SHAVEKO

Nikolai A. Shaveko, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), shavekonikolai@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-5481-7425

Abstract. The revival of the republican political tradition is taking place against the background of the academic dispute between liberals and communitarians. Common values of modern republicans, namely, deliberativeness of the political process and civic virtues based on the idea of the common good are defined. Views on democracy of three authors of republican orientation – M. Sandel, K. Sunstein and F. Pettit are analyzed. It is shown that the existence of different directions within the republican tradition (one focuses on the development of common ethical ideas, and the other – on mixed government) has as its consequence the heterogeneity of republicans' ideas on democracy. It is proposed to distinguish two ideal types of republican views on democracy – narrowly communitarian and essentially liberal, and to consider as criteria for typology (1) views on the highest social ideal and human rights, (2) the purpose of democratic discourses, (3) the role and significance of agreement with political decisions, (4) the role and significance of political participation and civic virtues. It is concluded that to date a unified republican theory of democracy has not yet been formed.

Keywords: republicanism, democracy, non-domination, self-determination, deliberation, liberalism, communitarianism, political participation, civic virtues

Citation: Shaveko N.A. (2024) Contemporary Republican Concepts of Democracy: Common Features and Two Ideal Types. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 83–95. DOI: 10.31857/S0869049924060067, EDN: JBINRU (In Russ.)

В 1980–1990-х гг. в западной политической теории на фоне кризиса неолиберализма усилилась критика либеральной теории демократии; одновременно распад СССР окончательно дискредитировал попытки совместить демократическую идею с социализмом. В результате популярность стали набирать республиканские концепции демократии. Вместе с тем авторы, возрождавшие республиканскую традицию, не были едины в своем понимании республиканизма, поэтому разными оказались и их воззрения на демократию. Цель статьи – разработать общие признаки и типологию воззрений республиканцев на демократию. В первом разделе предпринята попытка определить общие признаки современного республиканизма, а во втором – проанализировать взгляды трех авторов-республиканцев – М. Сэндела, К. Санстэйна и Ф. Петтита – на демократию.

Либерализм, коммунитаризм, республиканизм

В западной политической теории 1980–1990-е гг. преобладали споры между либералами и коммунитаристами. Либералы отстаивали приоритет права (принципов справедливости) над благом (представлениями индивидов о том, как лучше прожить жизнь). Коммунитаристы оспаривали такой приоритет, считая, что не только принципы справедливости, но и общие представления о достойной жизни могут ограничивать индивидуальную свободу [Волкова 2004, Шавекко 2020]. Коммунитаристы апеллировали к проблемам западного общества, таким как кризис легитимности, утрата чувства общности и распад социальных связей.

В рамках развернувшейся дискуссии канадский политический теоретик У. Кимлика сформулировал три основных тезиса, каждый из которых апеллирует к общим этическим представлениям (коммунитаризм в широком смысле): 1) собственно коммунитаризм (продвижение общего образа жизни, т.е. сильной и всеобъемлющей концепции блага); 2) (либеральный) национализм (ориентация на национальную идентичность); 3) (гражданский) республиканизм (утверждение гражданских добродетелей, связанных с политическим участием – слабая и ограниченная концепция блага) [Кимлика 2010, 337]. Согласно этой классификации республиканизм – часть коммунитаризма в широком смысле. Кимлика выделял два вида республиканизма: классический (самоценность политического участия) и либеральный (политическое участие как инструментальная ценность) [Кимлика 2010, 366]. Таким образом республиканизм сводится к тезису о развитии гражданских добродетелей, связанных с политическим участием, т.е. он противопоставлен не столько либерализму как таковому, сколько представлению о государстве как полностью нейтральном по отношению к подобным добродетелям (что нехарактерно для большинства либералов).

Ближих взглядов придерживается Ф. Петтит, политический философ ирландского происхождения. Он противопоставляет свою «подлинно республиканскую» концепцию свободы как недоминирования либерального (свобода как невмешательство) и коммунитаристского (свобода как самоуправление) понимания свободы. В то же время философ различает итало-атлантическую и континентальную традиции республиканизма, при этом концепция свободы как недоминирования принадлежит первой, а коммунитаристская – второй [Pettit 2012, 5–18]. И у Кимлики, и у Петтита республиканизм оказывается разделен на две части. Что характерно, лишь одна из них (та, что Кимлика называет «классическим республиканизмом», а в терминологии Петтита обозначена как коммунитаризм, или «континентальная» традиция республиканизма) придает политическому участию внутреннюю ценность. Тем самым гражданам навязывается идеал достойной жизни, связанный с самореализацией в сообществе. Вторая часть близка либерализму ибо ставит индивидуальную свободу в основу рассуждений о должном политическом устройстве, а политическому участию и гражданским добродетелям придает лишь инструментальную ценность. Тем не менее она противопоставлена некоторым версиям либерализма. Однако если у Кимлики критерием противопоставления в данном случае выступает отношение к развитию гражданских добродетелей, то у Петтита – особое понимание свободы. К тому же Петтит использует термин «коммунитаризм», чтобы обозначить идеологию продвижения общего образа жизни, связанного именно с политическим участием, а не какого-то иного образа жизни. По словам Петтита, итало-атлантическую традицию республиканизма можно считать коммунитаристской лишь в том смысле, что ключевой для нее идеал свободы как недоминирования является общественным (основан на преднамеренных взаимодействиях людей) и общим (не исключен в определенной социальной группе) [Pettit 2016, 217–225].

Теорию делиберативной демократии, отталкиваясь от четкой дихотомии либерализма и республиканизма, обосновал немецкий философ Ю. Хабермас [Хабермас 2008, 381–389]. Разграничивая либеральную и республиканскую концепции демократии, он строит следующую цепь рассуждений. Согласно «либеральным» воззрениям, демократия есть способ проведения в жизнь частных интересов индивидов; эти частные интересы признаются в силу того, что каждый индивид обладает набором неотъемлемых (личных) прав. Согласно же «республиканским» воззрениям, демократия – это способ формирования и реализации общих интересов и гражданских добродетелей (солидарность), тогда как индивидам дано лишь право участвовать в политическом процессе.

Очевидно, что подобный подход исключает существование «либерального республиканизма». Можно предположить, что в этой логике Хабермас отнес бы к либерализму и республиканизм Кимлики, и итало-атлантическую традицию республиканизма Петтита. По мнению Хабермаса, республиканскую теорию предложили именно коммунитаристы, а потому республиканизм у него, по сути, отождествлен с коммунитаризмом (предполагает некоторый приоритет блага над правом).

Можно заключить, что представление о либерализме, коммунитаризме и республиканизме в научной литературе нельзя назвать последовательным и однозначным. Если суммировать концепции трех указанных авторов (Кимлики, Петтита и Хабермаса), то республиканизм (идеология общего блага) связан с пониманием индивида как члена сообщества и с его участием в жизни этого сообщества. Этим обусловлена выработка разделяемых всеми этических представлений, т.е. концепции блага (что не противоречит либеральному тезису о приоритете права над благом).

В этом смысле республиканизм можно рассматривать как часть коммунитаризма, отстаивающего необходимость выработки и защиты общих этических представлений. Однако тогда и коммунитаризм следует понимать широко, т.е. допускать, что коммунитаристы не обязательно противостоят либерализму, рассматривая защиту общих этических представлений как инструмент достижения либеральных ценностей. Если принять такую интерпретацию, то особенность республиканизма как версии коммунитаризма будет состоять в способах, которыми он отстаивает необходимость общей концепции блага. Так, республиканизм делает акцент на инклюзивном политическом участии и связанных с ним правах, совещательных (делиберативных) практиках и гражданских добродетелях; при этом не заранее данные «каталоги добродетелей» и не дополнительные представления о «достойной жизни», а сама демократическая процедура определяет то, как будет осуществляться коллективное самоуправление [Zeitgenössische Demokratietheorie 2012... 158]. Когда говорят, например, что М. Сэндел из коммунитариста превратился в республиканца [Aronovitch 2000], имеется в виду не то, что он отказался от своих убеждений, а лишь то, что он сменил некоторые акценты в обосновании коммунитаристского идеала.

Республиканизм в целом стал новым этапом в дискуссии либералов и коммунитаристов. Как отмечает У. Кимлика, если в 1970-е гг. основными понятиями англо-американской политической философии были «справедливость» и «права», то в 1980-е гг. ключевыми стали «сообщество» и «членство», а в 1990-е гг. – понятие «гражданства», одновременно в демократической теории произошел «делиберативный поворот» [Кимлика 2010, 362].

Таким образом, по-видимому, допустимо понимать современный республиканизм (в различных его вариациях) с его акцентом на инклюзивном политическом участии и связанных с ним правах, совещательных (делиберативных) практиках и гражданских добродетелях как часть коммунитаризма в широком смысле. В такой интерпретации и республиканцы в частности, и коммунитаристы в целом могут быть как либералами, так и их противниками. Ниже будет предложена точка зрения, согласно которой в рамках республиканских концепций демократии можно выделить два идеальных типа, один из которых коммунитаристский в узком смысле (понимание политического участия как способа самореализации в сообществе и выработки общего образа жизни), а второй по существу либеральный. Последний не допускает навязывания сильных концепций блага, а потому совпадает с теми версиями либерализма, которые признают необходимость развития гражданских добродетелей и поиска взаимоприемлемых решений, но противопоставлены версиям, защищающим нейтральное по отношению к ценностям государство

и понимающим демократию лишь как суммирование частных волеизъявлений. Узкокоммунитаристский вариант республиканизма в любом случае исходит из понимания свободы как самоуправления. Однако существует и альтернативный подход к разграничению другого варианта республиканизма и собственно либерализма, предложенный Петтитом: республиканизм исходит из свободы как недоминирования, а либерализм – из свободы как невмешательства.

Современный республиканизм и демократия

Из сказанного следует, что республиканизм тесно связан с демократией как с самоуправлением народа. Несмотря на это, издревле идея республики противопоставлялась демократии в том смысле, что была нацелена не на торжество частных интересов большинства, а на всеобщее благо. Отсюда проистекали внимание к гражданским добродетелям и публичным обсуждениям, а также понимание социальной жизни как реализации общих целей и ценностей. Все же самое главное – идея республики подразумевала смешанное правление, то есть сочетание элементов монархии, аристократии и демократии. Тем самым могли быть уравновешены различные социальные интересы (в Новое Время это выразилось, в частности, в идее представительства) [Даль 2003, 38–47]. Эти исконные особенности республиканской идеи определяют понимание демократии современными республиканцами.

Рассмотрим взгляды на демократию трех широко известных авторов, которые, бесспорно, принадлежат республиканской традиции, – М. Сэндела, К. Санетэйна и Ф. Петтита – и на их примере попытаемся выявить особенности современного республиканского понимания демократии.

По мнению американского философа-коммунитариста М. Сэндела, нейтралитет государства в области культурных ценностей приводит к тому, что чувство принадлежности к сообществу и моральные основания социума оказываются под угрозой; когда вопросы об общем благе отданы на откуп частной сфере, люди теряют способность к коллективному управлению [Sandel 1996, 3]. Сэндел различает две концепции свободы – либеральную и республиканскую. Либеральная исходит из того, что человек свободен, если он может выбирать те ценности и цели, которым готов следовать, а государство в его выбор не вмешивается и не навязывает индивидам моральные и религиозные взгляды. Республиканская концепция связывает свободу с участием в самоуправлении сообщества, в рамках которого на первый план выходит проблематика общего блага и судьбы сообщества, а потому требует культивирования в людях определенных гражданских добродетелей. У Сэндела это, по сути, означает возможность социума навязывать индивиду определенные представления о правильно прожитой жизни, причем Сэндел пытается доказать, что такое вмешательство неизбежно.

Таким образом, Сэндел явно симпатизирует тому, что Б. Констан в свое время называл «свободой древних», а именно прямому участию населения в политике и возможности власти определять нравы общества. (Сам Констан придерживался другой концепции свободы – «свободы современности», и поэтому критиковал Руссо, которого сегодня считают представителем республиканской традиции.) Сэндел – не консерватор, он не считает правильным сохранять дискриминационные практики прошлого, но полагает, что вопрос о допустимом должен быть решен в рамках общественных дискуссий и самоуправления, в то время как либеральная теория демократии в принципе исключает вмешательство государства в указанную сферу, а потому, по Сэнделу, несостоятельна [Sandel 1998, 333]. Сэндел придерживается точки зрения, что согласие индивида не есть непременно усло-

вие возникновения у него обязательств перед сообществом, что некоторые обязательства возникают якобы исключительно из самого факта членства в нем [Сэндел 2013, 263–268]. В результате открытым остается вопрос о том, как защитить права меньшинств и тех, кто не согласен с навязываемыми представлениями об «общем благе» и «хорошем обществе». Кроме того, подобного рода коммунитаристские воззрения на демократию подвергаются критике, поскольку в этого рода коммунитаризме демократию трактуют как средство формирования общих этических представлений. В результате демократию перестают воспринимать как средство решения проблем [Nusser 2002].

Нельзя сказать, что республиканизм не предлагает путей выхода из указанных трудностей. Так, американский юрист К. Санстейн [Sunstein 1988] утверждает, что не существует единого подхода, который можно было бы охарактеризовать как республиканский, но при этом полагает, что различные виды республиканизма следуют одним и тем же основным принципам. Они включают в себя (1) делиберацию, (2) политическое равенство (устранение резких различий в политическом влиянии), (3) универсализм (ориентация на общие ценности и критика релятивизма) или соглашение как регулятивный идеал, (4) гражданственность (контроль над правителями и культивирование политических добродетелей).

Санстейн подчеркивает, что полное подчинение частных интересов общему благу, представление о котором вырабатывается посредством активного политического участия, характерно лишь для классических, а не современных республиканцев (равно как и милитаризм, традиционализм и принижение женщин). Нынешний нормативно более привлекательный республиканизм, по мнению Санстейна, лучше называть либеральным, поэтому противопоставление республиканизма и либерализма видится ему ложным. Правда, он тут же отмечает, что в отличие от либерализма, республиканизм признает лишь те индивидуальные права, которые связаны с политическим участием и делиберацией, тогда как остальные границы частной автономии «должны быть оправданы в общественных терминах» [Sunstein 1988, 1551]. В результате республиканизм предстает как часть либеральной традиции [Sunstein 1988, 1569], противопоставленный некоторым версиям либерализма (которые не уделяют достаточно внимания делиберации, неравенству реальных политических возможностей, достижению общих целей и гражданским добродетелям). Санстейн пишет, что «будучи правильно понятой, демократия не вступает в противоречие с [индивидуальными] правами». Дело в том, что демократия обладает собственной «внутренней моралью», которая требует конституционной защиты прав личности, «включая право на свободное выражение мнений, право голоса, право на политическое равенство и даже право на частную собственность, поскольку люди не могут считаться независимыми гражданами, если правительство неограниченно корректирует их права на имущество» [Sunstein 2001, 7].

Следует отметить, что коммунитаристы типа Сэндела считают своим идейным предшественником Аристотеля, у которого можно проследить ключевые для республиканцев идеи (самоуправление равных, стремление к общему благу, смешанное политическое устройство). Однако в Древнем мире республиканский идеал был присущ лишь сравнительно небольшим общностям, тогда как в Новое время он распространился на крупные государства. Если Руссо пытался утвердить идеал самоуправления и стремления к общему благу, который применим к небольшим сообществам, то американские федералисты сделали ставку на верховенство закона и смешанное политическое устройство, тем самым трансформировав республиканизм применительно к крупному политическому образованию. Действительно, в итало-атлантической традиции республиканизма правление закона и смешанная конституция выступают как средство пре-

одоления дисбаланса сил и сохранения стабильности республики в условиях упадка гражданской добродетели. Это порождает трудный вопрос о том, в какой мере конституционное право должно быть подчинено демократической практике. Для американских юристов-республиканцев [Michelman 1988; Sunstein 1993a; Sunstein 1993b] между этими двумя феноменами нет противоречия. Придерживаясь своего рода либерального республиканизма, они трактуют закон как волю народа, а не как внешние ограничения. Поэтому, с их точки зрения, конституционно закрепленные права имеют приоритет перед консенсусными, но не воплощенными в юридическую форму представлениями о достойной жизни. В этом новом контексте политическое участие и гражданские добродетели приобретают сугубо инструментальный характер, хотя, казалось бы, изначально они составляют сердцевину республиканизма. Например, Санстэйн не считает активное политическое участие безусловным благом, отвергая мнение, что управление государством должно строиться на основе всенародных референдумов, он отдает приоритет не прямой демократии, а конституционным структурам [Sunstein 2001, 7].

Надо сказать, что взгляды Санстэйна на делиберацию и статус индивидуальных прав довольно близки позиции Ю. Хабермаса, который в стремлении найти золотую середину между либерализмом и республиканизмом предложил концепцию «делиберативной политики». По мнению немецкого философа, если либеральное видение демократии предполагает только государство и частные интересы (рынок), то в республиканском варианте возникает третий субъект – общественность. Именно поэтому Хабермас в целом благосклонно относится к республиканскому проекту, однако видит его ошибку в «этическом сужении политического дискурса» [Хабермас 2008, 390]. По его мнению, даже при достижении согласия относительно этических вопросов (общий образ жизни), полное тождество интересов все равно невозможно, а потому для достижения баланса интересов различных индивидов необходим моральный дискурс (т.е. дискурс относительно принципов справедливости, а не концепций блага). Хабермас считает делиберативную политику эффективным компромиссом между либерализмом и республиканизмом, поскольку и права, и этические идеалы равным образом основаны в ней на дискурсе, в рамках которого все заинтересованные лица стремятся достичь консенсуса. Именно консенсус выступает в философии Хабермаса главным легитимирующим началом. Вместе с тем это означает, что политика общего блага не имеет ограничителей, как это предполагалось в либерализме. С учетом этого, а также того обстоятельства, что многие представители современного республиканизма не ограничивают демократию этическими императивами, концепция Хабермаса оказывается сложно отличимой от республиканской. Как и у многих республиканцев, права человека (и их конкретный перечень) выступают у него не предпосылкой, а продуктом демократии. Исключение могут составлять лишь права, создающие условия для делиберации.

Позицию Санстэйна можно рассматривать как дополнение к позиции Сэндела, поскольку он обращает внимание не только на этические дискурсы, но и дискурсы справедливости, придавая политическому участию и гражданским добродетелям, скорее, инструментальную ценность. Главное же отличие от доминирующих сегодня либеральных воззрений состоит в том, что Санстэйн отрицает «дополитический» характер прав человека, а потому возникает потребность каким-то иным образом защитить частную автономию, но неясно, окажутся ли делиберация и универсализм (ориентация на общеприемлемые решения) достаточными для этого. В то время как либералы в случае отсутствия согласия между гражданами относительно политических решений апеллируют к правам человека, у республиканцев, в том числе Санстэйна, в такой ситуации возникают некоторые теоретические трудности. Впрочем, приверженность большинства республи-

канцев политическому равенству, инклюзии и защите человеческого достоинства, а также поиску взаимоприемлемых решений можно рассматривать и как выражение неприсущих политическому процессу ценностей, аналогичным правам человека (хотя сами республиканцы отрицают внеполитический характер этих ценностей, за что их подвергают критике [Larmore 2001]). Акцент на защите индивида, а также на индивидуальном согласии как легитимирующем начале, характерный для Санстэйна, можно рассматривать как обоснованную корректировку позиции Сэндела. Соответственно, разногласия с либералами у Санстэйна могут возникать разве что относительно конкретного перечня прав человека и его теоретического обоснования.

Различие республиканских и либеральных взглядов можно было бы усмотреть и в том, что республиканцы принципиально допускают защиту тех или иных общих для всех членов сообщества представлений о достойной жизни. У. Кимлика, например, критикует либеральную демократию за неспособность обеспечивать блага и развивать добродетели, которые необходимы для поддержания способности людей действовать автономно. Он считает наивными предложения таких коммунитаристов, как Сэндел, наделять государство полномочиями навязывать гражданам ту или иную концепцию блага. По мнению Кимлики, Сэндел не смог доказать, что эта политика недискриминационная [Кимлика 2010, 337–342; Cohen 1993]. Критикуя «свободу древних», Кимлика полагает, что политическое участие (самоуправление) нельзя рассматривать как самоценность, поскольку это означало бы навязывание концепции блага. Таким образом, Кимлика фактически следует доминирующим трендам либерализма, считая оправданным защиту тех или иных представлений о достойной жизни лишь в той мере, в которой это соответствует либеральным ценностям [Kymlicka 1998, 136–138]. Он, например, замечает, что даже с точки зрения либерала государство может поддерживать те или иные культурные практики, во-первых, в рамках образовательной политики (формирование личностей, способных к осознанному выбору), во-вторых, защищая разнообразие культурных практик (через налоговые программы, поддержку гражданского общества и т.п.) [Кимлика 2010, 324]. Кроме того, он предлагает поддерживать «питомники гражданских добродетелей» (семья, школа, добровольные ассоциации, рынок), особенно выделяя добродетели публичной разумности и взаимного уважения. В целом подход Кимлики можно охарактеризовать термином «либеральный республиканизм», хотя и Састейн его использует для обозначения своих взглядов. Как и республиканцы, Кимлика ценит гражданские добродетели, а также считает необходимым некоторый уровень политического участия, однако, по его мнению, они не обладают самостоятельной ценностью и не должны быть свойственны каждому гражданину. Будучи либералом, Кимлика четко формулирует свою позицию: навязывание индивидам представлений о «хорошей жизни» недопустимо (соответственно, к демократии вообще не применим этический дискурс); приемлема лишь политика, направленная на формирование у граждан (необязательно у всех) известных личностных характеристик.

Наконец, Ф. Петтит, критикуя Сэндела, исходит из того, что практически все культуры осуждают недобровольное подчинение чужой воле и что борьба с наиболее вопиющими проявлениями этого зла – прерогатива государства. Государство призвано обеспечить индивидуальную свободу, понимаемую как недоминирование, и только в этих рамках удовлетворять те или иные частные интересы. Однако важно не допустить ситуации, когда частное господство сменяет социальное господство. Исходя из этого, Петтит предлагает модель конституционной демократии, основанную на верховенстве закона, разделении властей и контрмажоритаризме («смешанная конституция»), в сочетании с развитием добродетелей, связанных с гражданским контролем над государственной политикой

(«цена свободы – вечная бдительность»), взаимным доверием и приверженностью республиканским ценностям [Pettit 2016, 407–452]. Именно поэтому он инструментально обосновал гражданские добродетели, считая, что благодаря сочетанию «смешанной конституции» и гражданских добродетелей государство способно стать недоминирующим защитником равного недоминирования [Pettit 2012, 1–25].

Понимание свободы как недоминирования Петтит противопоставляет либеральному и коммунитаристскому видению свободы. Либералы исходят из понимания свободы как невмешательства: если индивид совершает выбор самостоятельно, без вмешательства извне, то его можно считать свободным. С точки зрения Петтита, здесь, однако, не учтены два обстоятельства: с одной стороны, уже сама абстрактная возможность вмешательства свидетельствует о несвободе (поэтому в недемократическом обществе граждане несвободны, даже если государство на практике не вторгается в их частную жизнь), с другой стороны, вмешательство, не связанное с чьей-то волей (например, демократического государства, основанного на «смешанной конституции»), нельзя считать покушением на свободу индивида. Коммунитаристы же («республиканцы континентальной традиции»), в трактовке Петтита, исходят из понимания свободы как политического участия (самоуправления), что он считает вульгаризированной версией взглядов Руссо и отождествляет со «свободой древних» по Констану. Оно неверно, так как сакрализирует народ, пренебрегает правами индивида, отдает приоритет публичной активности перед частной жизнью и тем самым, по сути, лишь заменяет частное доминирование публичным. Соглашаясь с критикой Сэндела политической культуры США, Петтит полагает, что в современных больших и сложных обществах непосредственное самоуправление и дискуссии об общем благе затруднены [Pettit 2012, 45–47]. Поэтому только тот, кто не участвует непосредственно в самоуправлении, остается свободным (т.е. политическое участие не является безусловным благом).

Указанный подход к республиканизму акцентирует внимание не на политическом участии и гражданских добродетелях, а на ценности индивидуальной свободы, а потому, несмотря на особую интерпретацию этой ценности, очень близок либерализму. В частности, предполагается, что государство должно обеспечивать справедливость, которая состоит в равном отношении к каждому гражданину, и с этой целью защищать некоторые основные свободы [Pettit 2012, 75–129]. Однако, по мысли Петтита, социальная справедливость противостоит только частному господству, тогда как от диктата государства защищает политическая легитимность. В работе «Республиканизм» [Pettit 2016, 28, 315–350] предложена контекстаторная (основанная на оспаривании) концепция демократии, в которой основу легитимности составляет не согласие (явное или неявное) с принимаемыми властью решениями, а возможность их оспаривать, поскольку именно это позволяет людям признавать соответствующие решения «своими». Оспариваемость властных решений, согласно Петтиту, предполагает делиберативность (возможность обсуждения и аргументации с точки зрения общих интересов), инклюзивность (представительство заинтересованных групп населения в органах власти и защищенность последних от влияния могущественных групп интересов) и респонсивность (наличие легитимных формальных процедур для оспаривания, а также для сецессии или отказа от подчинения по моральным соображениям) при принятии решений. Таким образом, для Петтита важна легитимность власти в смысле одобрения ее решений гражданами, что достигается особыми процедурами, отличными от простого испрашивания согласия. В более поздней работе Петтит уточняет, что контроль над властью со стороны народа подразумевает не просто возможность влиять на нее, но и определять направление/результат такого влияния. Народный контроль должен быть индивидуализированным (предполагать равные политические

права граждан), безусловным (зависеть только от воли самих граждан) и эффективным (достаточным для того, чтобы люди не воспринимали государственное принуждение как чужую волю) [Pettit 2012, 160–179].

Исходя из принципа отношения к гражданам как к равным, Петтит отвергает моральную обоснованность единоличного контроля каждым гражданином над решениями правительства. Вместе с тем решения властей должны быть восприняты как легитимные всеми, кто разделяет принцип равенства. Подобное единомыслие кажется утопичным, но мыслитель принимает во внимание принципы совещательной демократии и полагает, что люди способны прийти к общему пониманию хотя бы тех процедур, в соответствии с которыми принимаются конкретные решения (делиберация, таким образом, служит сугубо инструментальным целям). В результате каждый гражданин, преследуя частные интересы, одновременно неосознанно выражает и общественные интересы, соблюдая общепринятые нормы выработки политики. Петтит называет это «двухаспектной моделью демократии». Соответственно, если индивид согласен с принятыми нормами формирования политики, то принуждение со стороны государства нельзя считать доминированием.

По мнению Петтита, на практике недоминирование достижимо через политические механизмы, благодаря которым государственная власть уже не ассоциируется с конкретными индивидами или их группами (разделение властей, федерализм и децентрализация, жеребьевка, права человека, конституционный надзор, ограничение полномочий законодательного органа и т.п.). Следовательно, ее нельзя рассматривать как ущемление свободы: «Если вмешательство не является произвольным, оно не является доминированием» [Pettit 2016, 457]. В целом взгляды Петтита можно рассматривать как вариацию либерализма (либеральный республиканизм) – уважение равной индивидуальной свободы и прав человека, особое значение контроля власти со стороны каждого индивида. Единственная особенность этих взглядов – понимание свободы как недоминирования.

Можно заключить, что взгляды республиканцев варьируют по четырем относительно независимым критериям.

Одни мыслители (например, Сэндел):

- (1) вообще не уделяют внимания правам человека, хотя прямо и не отрицают их;
- (2) не считают согласие индивида непременным условием возникновения у него обязательств перед сообществом;
- (3) рассматривают демократию как сугубо этический феномен;
- (4) признают политическое участие и гражданские добродетели самоценным благом (реализация свободы как самоуправления).

Другие теоретики (например, Санстэйн):

- (1) признают права человека, но лишь те, которые необходимы для делиберации и политического равенства, отрицая «дополнительный» характер каких-либо иных прав;
- (2) считают необходимым всеобщий консенсус в качестве основания политики;
- (3) указывают, что демократия не сводима к этическим дискурсам;
- (4) не признают самоценность политического участия и гражданских добродетелей.

Интересно, что взгляды Ю. Хабермаса тоже можно отнести к промежуточному варианту республиканизма. Его критика направлена против республиканизма коммунитаристского типа, тогда как другие версии этого течения не противостоят идеям Хабермаса.

Наконец, третьи авторы (например, Петтит) в сущности следуют либеральному подходу:

- (1) и права человека, и демократическую легитимность выводят из неприсущего им идеала;

(2) политические обязательства оправдывают не столько согласием, сколько легитимностью государственного устройства, признавая важность восприятия гражданами коллективных решений как «своих»;

(3) не допускают навязывания гражданам общего образа жизни, однако

(4) считают возможным во имя индивидуальной свободы поощрять ответственное политическое участие граждан и развивать соответствующие добродетели.

К либеральному типу республиканизма можно отнести взгляды Кимлики, которого обычно называют либералом, а не республиканцем.

* * *

Возрождение республиканской традиции происходило на фоне противостояния либералов и коммунитаристов. Именно поэтому следовало проанализировать республиканизм по отношению к этим политическим теориям. Было высказано предположение, что при расширительной трактовке коммунитаризма (признание «политики общего блага» как инструмента достижения либеральных ценностей) республиканизм можно рассматривать как версию коммунитаризма. Его особенность состоит в способах, которые позволяют отстаивать «политику общего блага». Так, республиканизм делает акцент на инклюзивном политическом участии и связанных с ним правах, делиберативных практиках и гражданских добродетелях; при этом не «каталоги добродетелей» и не дополитические представления о достойной жизни, а сама демократическая процедура определяет способы коллективного самоуправления. Обнаружена тесная связь республиканизма с демократией, несмотря на то что исторически республику обычно противопоставляют демократии.

Рассмотрение республиканских теорий демократии убеждает в том, что они столь же неоднородны, как и определения республиканизма. Всем им свойственно внимание к политическому участию и гражданским добродетелям, однако разные теоретики придают разный смысл и ценность этим явлениям. Упрощенно все республиканские концепции демократии можно представить в виде двух крайних идеальных типов, один из которых (коммунитаристский) представлен взглядами Сэндела и его сторонников, а второй (либеральный) – взглядами Петтита и его последователей. В свою очередь концепция Санстэйна занимает промежуточное положение между этими идеальными типами (ценность «хорошего общества» и индивидуальной свободы, права человека производны от демократии и т.д.), по ряду признаков приближаясь к либерализму (легитимирующая роль индивидуального согласия, относительная ценность политического участия и гражданских добродетелей, пристальное внимание к законности и разделению властей).

Все это заставляет усомниться в существовании какой-либо особой республиканской теории демократии. Верным представляется мнение Ф. Каннингема, согласно которому «республиканцы, позиционируя себя всецело продемократически, не формулируют уникальную демократическую теорию, но обычно поддерживают некоторую версию партиципативной или, в последнее время, совещательной демократии» [Cunningham 2002, 54]. Причина, по которой нередко говорят о некоей «республиканской теории демократии», видится, в том, что, во-первых, ключевые республиканские авторы (такие, как М. Сэндел или Ф. Петтит) выражают свои идеи через рассмотрение проблем и вызовов демократии, во-вторых, республиканизм обычно противопоставлен либерализму, который тесно связан с понятием либеральной демократии. Соответственно, ее противоположность обозначается как республиканская теория демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Волкова Т.П. (2004) Либералы и коммунитаристы: дискуссия о социальной справедливости продолжается // Вестник МГТУ. № 2. С. 200–207.
- Volkova T.P. (2004) Liberaly i kommunitaristy: diskussija o social'noj spravedlivosti prodolzhaetsja [Liberals and Communitarians: the debate on social justice continues]. *Vestnik of MSTU*, no. 2, pp. 200–207. (In Russ.)
- Даль Р. (2003) Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН. 574 с.
- Dahl R. (2003) *Demokratija i ee kritiki* [Democracy and its critics]. Moscow: ROSSPEN. 574 p. (In Russ.)
- Кимлика У. (2010) Современная политическая философия: введение. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики. 592 с.
- Kymlicka W. (2010) *Sovremennaja politicheskaja filosofija: vvedenie*. [Contemporary political philosophy: an introduction]. Moscow: Vishaya shkola ekonomiki. 592 p. (In Russ.)
- Петтит Ф. (2016) Республиканизм. Теория свободы и государственного правления. М.: Изд-во Института Гайдара. 488 с.
- Pettit Ph. (2016) *Respublikanizm. Teorija svobody i gosudarstvennogo pravljenija*. [Republicanism: A Theory of Freedom and Government]. Moscow: Institut Gajdara. 488 p. (In Russ.)
- Сэндел М. (2013) Справедливость. Как поступать правильно? М.: МИФ. 352 с.
- Sandel M. (2013) *Spravedlivost'. Kak postupat' pravil'no?* [Justice. What's the right thing to do?]. Moscow: MIF. 352 p. (In Russ.)
- Хабермас Ю. (2008) Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука. 417 с.
- Habermas J. (2008) *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [The Inclusion of the Other]. St. Petersburg: Nauka. 417 p. (In Russ.)
- Шавеко Н.А. (2020) Предшествует ли право благу? (Спор между либералами и коммунитаристами) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 3 (98). С. 62–81. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-98-3-62-81>
- Shaveko N.A. (2020) *Predshestvuet li pravo blagu? (Spor mezhdub liberalami i kommunitaristami)* [Does the right precede the good? (A dispute between liberals and communitarians)]. *Politeia*, no. 3 (98), pp. 62–81. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-98-3-62-81> (In Russ.)
- Aronovitch H. (2000) From Communitarianism to Republicanism: On Sandel and His Critics. *Canadian Journal of Philosophy*. № 30(4), pp. 621–647. <https://doi.org/10.1080/00455091.2000.10717547>
- Cohen J. (1993) Kommunitarismus und universeller Standpunkt. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, no. 41(6), pp. 1009–1020. DOI: 10.1524/dzph.1993.41.6.1009
- Cunningham F. (2002) *Theories of Democracy: A critical introduction*. London, New York: Routledge. 256 p.
- Kymlicka W. (1998) Liberal egalitarianism and civic republicanism: friends or enemies? *Debating Democracy's Discontent: Essays on American Politics, Law, and Public Philosophy* / Allen, Anita L. and Regan, Milton C. Jr (eds). Oxford: Oxford University Press. Pp. 131–148.
- Larmore Ch. (2001) A Critique of Philip Pettit's Republicanism. In: *Social, Political, and Legal Philosophy. Philosophical Issues*, vol. 11, pp. 229–243. <https://doi.org/10.1111/j.1758-2237.2001.tb00045.x>
- Michelman F. (1988) Law's Republic. *The Yale Law Journal*, vol. 97, no. 8, pp. 1493–1537.
- Nusser K.-H. (2002) Expansive Demokratietheorien bei Charles Taylor, Michael Walzer und Jürgen Habermas. *Zeitschrift für Politik*, no. 49(3), S. 250–266.
- Pettit Ph. (2012) *On the people's terms: a republican theory and model of democracy*. New York: Cambridge University Press. 338 p.
- Sandel M. (1996) *Democracy's Discontent: America in Search of a Public Philosophy*. Cambridge, MA: Belknap Press. 417 p.

Sandel M. (1998) Reply to critics. In: *Debating Democracy's Discontent: Essays on American Politics, Law, and Public Philosophy*. Eds: Allen, Anita L. and Regan, Milton C. Jr. Oxford: Oxford University Press. Pp. 319–335.

Sunstein C. (2001) *Designing democracy: what constitutions do*. New York: Oxford University Press. 280 p.

Sunstein C.R. (1988) Beyond the Republican Revival. *Yale Law Journal*, vol. 97, pp. 1539–1590.

Sunstein C.R. (1993a) The Enduring Legacy of Republicanism. In: *A New Constitutionalism. Designing Political Institutions for a Good Society* / Eds. Elkin S.L., Soltan K.E. Chicago, London: University of Chicago Press, 1993. Pp. 174–206.

Sunstein C.R. (1993b) *The Partial Constitution*. Cambridge, MA and London, UK: Harvard University Press. 414 p.

Zeitgenössische Demokratietheorie. Band 1: Normative Demokratietheorien. (2012) Lembcke O.W., Ritzi C., Schaal G.S. (Hrsg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. 481 S.

Информация об авторе

Шавеко Николай Александрович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Адрес: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: shavekonikolai@gmail.com

About the author

Nikolai A. Shaveko, Candidate of Sciences (Law), Senior Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Address: 620108, Sofya Kovalevskaya st. 16, Yekaterinburg, Russia. E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 29.05.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 17.10.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 11.11.2024